

Серия
«Скифия: Антология сетевой поэзии»

Два сезона

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

«СКИФИЯ»
Санкт-Петербург
2010

ББК Я4 94
Д 22

Серия «Скифия: Антология сетевой поэзии»

Два сезона

Д22 Два сезона. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ»,
2010. — 384 с. — («Скифия: Антология сетевой поэзии»).

Этой книгой издательство «Скифия» продолжает книжную серию «Скифия: Антология сетевой поэзии». Приглашаем всех современных авторов к участию в отборочных циклах серии.

Подробности на сайте: **www.Musbooks.ru**

ББК Я4 94
Д 22

При оформлении обложки использована работа Дмитрия Фролова-Буканова
«Два сезона»

ISBN 978-5-903463-46-6

© Коллектив авторов, 2010
© ИТД «СКИФИЯ», 2010

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие к серии

Уважаемый читатель, спасибо за внимание к нашей книге. К книге, в которой представлены авторы современной поэзии. У поэзии сейчас нелегкие времена. Нет, она никуда не исчезла, она просто не собирает стадионы, за ней не выстраиваются очереди у книжных полок, ее не транслируют на коммерческих радиостанциях. Она не гонится наперегонки с техническим прогрессом и не пытается разменять искренность на несколько минут центрального телевидения. Она даже не особо переживает, что в наше сумбурное время больше в чести фаст-фуд, чем наслаждение подлинным вкусом.

Тем не менее поэзия осталась, как никуда не делиться ни вечные вопросы, ни ощущение гармонии (дисгармонии) этой жизни, как никуда не делось чувственное восприятие действительности.

Поэтов не стало меньше, чем в прошлые времена. Рискну предположить, что поэзия, в лучших своих проявлениях, даже не стала хуже, чем в «серебряное» или «золотое» время. Она просто стала чуть тише, чуть интимнее. Чуть более «для своих». Для тех, кто умеет поэзию слышать.

Наверное, это потому, что поэзия, как и чувства, есть Дар, определенная энергия, которую человек зачем-то получил. И этот Дар требует, чтобы Поэт выполнил свое предназначение, отдал полученную энергию людям. Как сказал Н.И. Калягин: «Поэзии не бывает без вдохновения, а вдохновение — это то, что вдыхается в человека извне, то, что приходит не спросясь и уходит, когда не ждешь».

Поэт немислим без своего слушателя, без своего читателя. Поэтому спасибо, уважаемый читатель, что ты есть.

И еще хотелось бы добавить. Отбор участников томов нашей Антологии производится на конкурсной основе. Если у вас есть желание предложить свои произведения — мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в антологии поэзии». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

*Игорь Знаешев,
главный редактор*

Предисловие к томе

Давно ли ты чувствуешь себя взрослым, дорогой Читатель?
Может быть, ты хорошо разбираешься в поэзии?
Даже иногда сам пописываешь на досуге?
И, конечно, безоговорочно отличаешь хорошие стихи от остальных...

Как! неужели все не так?

Ты молод, горяч, и неважно, сколько тебе при этом лет?
Ты так же категоричен и влюбчив, как 20 лет назад?
Так же готов сражаться со всем миром за свою любовь?
Тебя можно удивить и обрадовать?
Ты любишь незнакомое и прекрасное?

Тогда ты абсолютно правильно раскрыл эту книгу.
Она ждала именно тебя.

В небольшом томике сосуществуют частички душ разных авторов. Одни из них давно пишут и уже успели завоевать свою аудиторию. Другие — только делают первые шаги на тернистой поэтической дороге, и неизвестно, пойдут ли по ней дальше... Только начинают экспериментировать со словом, прямо за школьной партой. Они еще не знают канонов, не умеют приглаживать и причесывать строчки... Но одного не отнять: они настоящие, живые. Талантливые и искренние. В частности, в этом сборнике представлено творчество целой группы учеников и недавних выпускников одной из хороших московских школ. Про талант и искренность говорю не понаслышке — видела эти замечательные, умные, добрые и такие разные глаза на уроках в течение нескольких лет. Так что даже завидую тебе, Читатель... Немножко, да и то белой завистью. Ведь ты впервые будешь иметь счастье познакомиться с нашими ребятами! И у тебя есть шанс стать одним из первых поклонников начинающего автора.

Впрочем, в этой книге ты найдешь и красивейший букет стихов опытных поэтов, получишь несравненное удовольствие от разнообразия лирических тонов и большой палитры литературных красок. И далеко не факт, что все они уже распрощались со своей молодостью!

Так что, любимый Читатель, тебе самому выбирать, какой из сезонов тебе ближе: чистая, немного наивная, резкая, эмоциональнейшая Юность или зрелые, прекрасные своим расцветом, рассудительные Взрослые годы, уже с некоторой долей мудрости и уравновешенности.

Впрочем.....

есть и другой выход:

порыться в своей душе и свести в ней эти два прекрасных сезона воедино!

Выбор за тобой, и только за тобой.

Два сезона наших авторов ждут тебя,
замерев застывшими в нетерпении страницами,
жаждущими раскрыться и зашелестеть

под твоей рукой!

Припомни день, припомни час,

когда ты с юностью расстался...

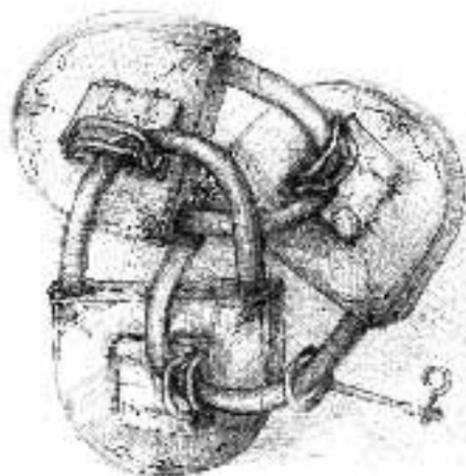
На доньшке лучистых глаз ее живой огонь остался.

Она ушла не насовсем, готова сразу же вернуться,

Вот только было бы, зачем... зачем от взрослости очнуться!

Стелла Синякова

Первый сезон

9-5

01

Нора Яворская

/

Разговоры с ней перед телевизором

Стелла Сивякова

МАДОННА

Висит в галерее картинной икона:
С рожденным младенцем святая Мадонна.

Скажи мне, Мадонна, под боком у бога
Ты так же держалась и чинно, и строго?

Наверное, богу себя отдавая,
Была ты, Мадонна, совсем не такая.

Наверное, божьи святейшие руки
Ласкали мадонну не только от скуки.

И пламя, что в теле любовника было,
Ты, ставши иконой, едва ли забыла...

Тебя обокрала поповская братия,
Изобретя непорочность зачатия.

Мадонне осталось не очень-то много;
Лишь боль материнства да бабья тревога.

Не потому ль, вспоминая о дальнем,
Глядишь ты с иконы по-вдови печально?

Невозрослевади

Сказал он: «Отбросим шутки,
Уедем с тобой на сутки».
А я ему отвечала:
«На сутки, пожалуй, мало».

А он мне: «Задаться целью,
Так можно и на неделю».
А я ему отвечала:
«И на неделю мало».
А он мне: «Что ж, я не беден,
На месяц давай уедем».
А я ему отвечала:
«Мне и на месяц мало».

А он тогда осторожно:
«Навечно ведь невозможно».
А я ему: «Да, конечно.
Зачем мне такой навечно?!»

Стелла Сидякова

МАЛЬЧИК В СВИТЕРЕ БЕЛОМ

Тоска на лице загорелом,
В глазах – беспокойный свет...
Мальчик в свитере белом.
Зачем ты глядишь мне вслед?

Нет, не моря, не горы –
Нас разделяют годы.

Их много – десятилетье.
Навьюченные, что пули,
Стремительные, как пули,
Тяжкие, точно плети, –
И каждой меня хлестнули.
Как же преодолеть их?!

Мальчик в свитере белом,
Влюбленно и оробело
По залам и по вокзалам
Ты не спеши мне вслед.
Будут всегда интервалом
Меж нами – десять лет.
Их не отдать в солдаты,
Не выжечь их, не стереть,
Чтобы догнал меня ты,
Мне надобно умереть.

Неповзрослевшая

Прощают многое женщинам,
Прощают разные вещи нам:
Измену прощают и грубость,
Прощают подлость и глупость,
Но возраста – не прощают...

Мальчик в свитере белом,
Ты старше станешь и строже,
Простить мне ты тоже не сможешь
Десять пройденных лет.

Мальчик в свитере белом,
Зачем ты глядишь мне вслед?!

Стелла Сидякова

Капелька человеческого потока,
Может, Наташа, а может, Ирина, –
Где-то идет, каблучками цокая,
Первая женщина моего сына.

Первая в жажде, первая в поиске,
Вечная или случайная?
Где повстречается – в парке, в поезде?
Застенчивая? Отчаянная?

Светят коленками
В юбочках «мини»
Студентки и секретарши...
Ты, что проявишь мужчину в сыне,
Моложе его или старше?

Если старше... Смиренно прошу, не
воинственно,
Слов не прячь сокровенных, нежных,
Не вымещай на моем, единственном,
Обиду на твоих прежних.

Чтоб не прошла ты, первая женщина,
По душе сыновней, как трещина.
Чтоб не проклял твои он двери,
Чтоб, ликуя, сердце – в ребро,
Чтобы шел от тебя и верил,
Что женщина – есть добро...

Неповзрослевшая

Ну а если моложе... Если
Цел еще и косичек лен, –
Я хочу, чтоб в тебе воскресли,
Сын мой, рыцари всех времен.

Чтоб от первой взрослой постели
Глаза ее не опустели.
Чтоб тобой человечность мерила,
В голосишке чтоб – серебро,
Чтобы шла от тебя и верила,
Что мужчина – это добро.

О жизнь, мне оплошностей ты не спускаешь,
Как злая хозяйка – служанке пригожей.
Я снова тебя ощущаю всей кожей,
И ты с меня кожу спокойно сдираешь,

Чтоб новой прикрыла болящую плоть я,
Чтоб я поменяла опять оперенье,
Чтоб я не забыла закон обновленья,
Чтоб я по земле не ходила в лохмотьях.

Стелла Сидякова

Тропинка, в травах пропадая,
пригрелась на земной груди.
Вначале бабушка седая
мне повстречалась на пути.

Я отступила – разминуться,
она прошла, замедлив шаг.
Мне до нее – еще тянуться,
ей до меня – уже никак.

Мы оглянулись, как по знаку,
согласно, точно два крыла.
Я – посмотреть, какую стану,
она – взглянуть, какой была...

Потом – навстречу мне девчонка,
бегом, коленки заголив.
За ней тянулся тонко-тонко
какой-то простенький мотив.

Наружу радость – как на блюде,
печаль пока что – в тайниках...
Ей до меня – еще тянуться,
мне до нее – уже никак.

Она беспечно улыбнулась,
ничуть о жизни не скорбя.
А я еще раз обернулась
на позабытую себя.

Неповзрослевшая

И после долго осызала,
как нас, разрозненных, связала,
чтобы в пространстве удлинить,
тропинки трепетная нить.

Я застываю, как навек,
Когда средь бела дня
Проходит мимо человек,
Ограбивший меня.

Он так идет, как будто прав,
Как будто ни при чем.
Он не кидался прочь стремглав
С добычей за плечом.

Кричать напрасно «караул»,
Бежать нелепо вслед...
Какой пустяк, когда – баул,
Бумажник или плед!

А тут... И я стою опять,
Как будто кто связал...
Ограбил: мог бы столько взять
И – ничего не взял.

В ином из нас живет хамелеон:
с людьми соприкасаясь, мы меняем
какой-нибудь оттенок, полутон,
и тем себя как будто не роняем.

Велик ли грех – похожеть проявить,
пусть даже там, где нет ее в помине,
милейшим малым запросто прослыть
и без врагов прожить по той причине.

Мы с глупыми становимся глупей,
с удачливым болтаем об удаче,
среди бедных прибедняемся людей,
с богатым тщимся выглядеть богаче...

Мы думаем, нам хватит на сто лет
таких уловок, было бы хотенье.
И вот итог: мы свой теряем цвет,
мы – лишь чужого цвета подтверждение.

Неповзрослевшая

Две любви мне судьба даровала.
Две мужские любви до гроба.
Две глубокие не измерить,
а тяжелые – как вериги.

Я сама одного любила,
не из этих двоих – другого.
Этот сердцем не зацепился,
сигаретным дымком растаял.

Две любви мне судьба даровала.

Я упрек обратила к небу:
«Ты почто мне дала такие –
две глубокие – не измерить,
а тяжелые – как вериги?!»

Мне ответил небесный голос:
«Не кощунствуй, коням дареным,
ты же знаешь, в зубы не смотрят».

Ну что за резон мне работать в осеннем саду?!
Ну что за причуда?! Пристрастьем к земле я питаю.
Я с нею общаюсь. Я грядку лопатой листаю,
как древнюю книгу, вникая в ее немоту.

И палые листья, и дни мои поздние тленны.
Я в лоно земли ослабевшие силы кладу...
Наверное, предки... наверно, живучие гены
меня понуждают работать в осеннем саду.

Наверное, возраст... С утра отбиваю поклоны
под куполом вечным в сентябрьском невечном раю.
Цветы и деревья – мои золотые иконы.
Сама угасая, для жизни я их сохраню.

А может быть – совесть... Под тяжестью общего долга
гордыня царя уступает усердию слуги.
Мы, дети земли, над землей измывались так долго,
я тщусь возвратить хоть крупицу добра за долги.

Неповзрослевшая

Не наблюдай агонию. Не надо,
когда не духовник ты и не врач.
Пусть без помех в преддверии распада
вершит свою работу смерть-палач.

Не наблюдай агонию, когда ты
не в силах изменить событий ход.
Конвульсий плоти праздный соглядатай
не забегай... Познаешь в свой черед...

Из детства помню лета середину.
Корову сбил на рельсах паровоз.
На запах крови, пастбище покинув,
у полотна все стадо собралось.

Копытом било, выгибало спину,
и ноздри раздувал тлетворный дух.
И встречный шел. И отогнать скотину
пытался обезумевший пастух...

Поведало о многом это стадо...
Не наблюдай агонию. Не надо.

Стелла Сидякова

Покуда родители, выпив вина,
в ожидании сладкого блюда,
смеясь, анекдоты травили
и мыли начальникам кости,
в костюмчике с бабочкой мальчик,
пришедший к нам в гости,
меня поманил и в открытии комнатной двери,
как злой заговорщик, шепнул мне:
«Я знаю, откуда...»
(О, жгучая тайна пытливого детского люда!)
«Что? Как?!» – я спросила
еще не решаясь поверить,
что все уверения прежние попросту враки.
«Вот так! – уточнил он, –
Сам видел их свадьбу и драки
недавно, когда мы играли с ребятами в сквере...»
(Да, нас просвещали по сексу,
детишками были когда мы,
не телепубличные – четвероногие дамы)...
И грохнулась оземь красивая сказка о птице,
что с доброго неба
со свертком бесценным слетала,
и сорвана маска, скрывавшая взрослые лица,
и свергнуты разом родители с их пьедестала,
и дух недоверия к ним воцарился на годы...
О, знали бы дети всеобщность законов природы!
Когда б они поняли, что животворны лишь двое,
что в каждом живущем –
частица их слитного тела...
Но взрослым, беспечным, до этого не было дела.
А мальчик не знал про любовь –
это теплое счастье земное.

Неповзрослевшая

Пройдись пешочком по России,
экспресс оставив на путях,
по тем проселкам, где босые
прошли когда-то, и – в лаптях,
по тем, что глухи и угрюмы,
с корнями, как обрывки пут...
Там, на дорогах этих, думы,
как псы бездомные, живут.

Живут, оставленные теми,
кто протянулся тут до нас,
живут, невидимые тени,
у пешехода всякий раз
вдруг возникая за плечами
и где-то рядом, и – вдали.
Все эти думы – о печали
твоей, заброшенной земли.

И ты почувствуешь с тоскою
пудовость – в глине – сапога.
Они увяжутся с тобою
и не отвяжутся,
пока
минуя заросли малины,
не выберешься на большак,
туда, где люди и машины,
и облегчен асфальтом шаг.

Стелла Сидякова

ПЕЛАГЕЯ

(Из цикла «Бабы»)

Пелагея старая верит
в счастье сына –
где-то пехом он версты меряет
до Берлина.

Вести с фронта,
как дождь в засуху,
ходят редко.
К Пелагее зашла засветло
в дом соседка.

От дверей, лицом невеселая,
говорит Марья:
«Слышь-ко, Нинка моя тяжелая
от твоего парня»...

Пелагея гремит ухватами,
воду грея.
«Мы ведь Нинку твою не сватали, –
говорит Пелагея. –
Мало ли, кто летось хаживал
к твоей Нинке,
вот поди теперь и доказывай,
чье молоко в кринке.
Что вертелась-то Нинка около,
всякий знает,
только брюхом
моего сокола
не поймает...»

С чем пришла к Пелагее Марья,
с тем и вышла,

Ненавзрослевшая

повернула соседку старая,
словно дышло...

Разрешилась Нинка от бремени
сыном к пасхе, –
безотцовщина, не ко времени,
не для ласки.

Пелагея в его сторону
глаз не скосит.
Только вскорости похоронную
ей приносят.

На крыльцо Пелагея грохнулась
сбитой веткой,
а потом по-дурному охнула
и – к соседке.

Не здороваясь,
мимо Марьи,
мимо Нинки –
как слепая, руками шарит
в теплой зыбке.

Из пеленок теплое тельце
вынимает.
Будто к ране,
мальчонку к сердцу
прижимает.

И еще ни о чем не ведая,
слышит Нинка:
«Ох, кровиночка моя бедная!
Сиротинка!»

Стелла Синякова

БАЛЛАДА О РАСКАЯНИИ

Каину дай раскаяние
Булат Окуджава «Молитва Франсуа
Вийона»

И покаялся Каин,
и воскликнул: «О Боже,
я смущен и раскаян,
всемогущий, ты – можешь!

Вот, не жаль ничего –
ни тельца, ни граната –
оживи
моего
убиенного брата!..»

Бог одобрил дары
и злодейство исправил.
Встал из черной дыры,
встал из гибели Авель.

Но у Каина все же
на душе не легчает,
спать спокойно не может,
все-то он примечает:

Авель словно бы
рад
воскрешенью не очень,
смерть забыть свою
брат

Неповзрослевшая

словно бы и не хочет,
словно молча творит
суд свой собственный то есть...

Чует Каин:
болит
пуще прежнего совесть.

Вновь тельца он забил,
жертву богу представил:
«Сделай так,
чтоб забыл
о грехе моем Авель!»

Бог явил свою милость:
память Авеля – с течью
и в лице утвердилось
смиренье овечье.

Каин снова не спит,
не вкушает покоя:
самый Авеля вид
воскрешает былое.

Чуть мелькнет вдалеке,
сразу чувствует Каин
тяжесть в правой руке –
окровавленный камень.

Вновь тельца он забил:
«Сделай чудо, о боже,
чтобы сам я забыл
о грехе моем тоже!»

Стелла Синякова

Бог не принял тельца:
«Грех твой неискупаем,
он в тебе – до конца...»
И расплакался Каин.

Недвижим
на земле
он лежал до заката,
размышляя о зле,
что приемлет от брата.

И не чувствуя сил
для исхода иного,

на закате
убил
Каин Авеля снова.

Ненавзрослевшая

Ничему не научили,
научили убивать.

Он пришел, как отпустили,
лег, ненужный, на кровать.
Ничему не научили,
научили убивать.

Он лежал три дня, три ночи...
Жить без дела нету мочи,
встал, работу поискать.

«Что умеешь ты?» – спросили.
«Ничему не научили,
научили убивать».

Тут и там его отшили...
Подкатился дядя в силе,
стал на «дело» подбивать...

Начал жить, как научили.
Научили убивать.

Стелла Сивякова

ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ В РАСКОПКАХ

Мы подошли к царю Агриппе
и – вам понятно почему –
не стали говорить о гриппе,
а стали сразу – про чуму.

но царь Агриппа был не в духе,
ему наскучили пиры,
его с утра кусали мухи,
кусали ночью комары.

Он закричал: «Чума? Откуда?!
Где вы увидели чуму?!»
И поступил он с нами худо,
чтоб понимали, что к чему...

мы вновь пришли к царю Агриппе
и – вам понятно почему –
все рассказали мы о гриппе
и умолчали про чуму.

Но царь Агриппа был не в духе,
всю ночь дурные видел сны,
его ушей достигли слухи,
что перемерло полстраны.

Он закричал: «Что это – шутка?
Вы что, не видите чуму?!»
И поступил он с нами жутко,
чтоб понимали, что к чему.

Чтоб обрели как надо зренье,
мы грубо брошены во тьму,
где и сидим в недоуменье,
не понимая, что к чему.

02

Юрий Алекс

|

*Стихи о мире проявленном,
мире сокрытом и Иерусалиме*

Неповоротливый

Быть рядом с тобой на берегу океана,
Слушать плеск волн, не ведая вкуса горя.
Руки засунув в карманы – ну а карманы...
Карманы мои размером с Эгейское море.
В месте пересечения с высшим миром,
В воду зайдешь – и исцеляются раны.
Архангелы вод в зеленых и белых одеждах
Свечи несут и речь о небесных странах.
И я повернусь, легонько нахмутив брови,
Боль отступает при любом проявлении чуда.
С невыразимой радостью и любовью,
Я говорю и пишу, словно уже оттуда.

Ночь снизошла,
промышленный Акрополь
уже уснул, он спит и видит сны.
И некий ангел, вытирая копоть
с лица,
стучит, пугаясь темноты
и пустоты,
один в оконной раме.
Не видимый никем при свете дня.

Мой бедный брат с озябшими крылами,
Скажи,
чего ты хочешь от меня?

Святая Анна

Над Галилейским морем всходит ночь.
Песчаный берег. Ракушки и камни.
Уже за полночь ты уходишь прочь.
Под Галилейским небом, словно в храме.
А за спиной Петрова церковь, в ней
Паломнический крест на белом камне.
Изображен. В одном из белых дней
Я в Назарет приехал в гости к маме.
Она живет там третий год уже.
Но это отступление от моря.
Прости мне. Возвращаюсь я в Душе.
Во времени, в пространстве, коридоре
К местам сиим, которые окрест.
И названы блаженною землею.
И я с собою уношу не крест.
Сияние в себе и над собою.
Не плачу, не грущу, и не смеюсь.
Не падая едва. С самим собою.
Когда ты спишь, я над тобой молюсь.
Над волнами. Под небом. Над водою.

Неповзрослевшая

Я помню Иерусалим
С лицом булгаковских героев.
И летний полдень, и хамсин.
Путь странника и путь изгоя.
Ершалаимский первый снег,
Под новый год, такой знакомый.
Для жителей – какой-то снег.
Для эмигрантов – снег из дома...

Я помню снег, он был в глазах твоих,
Он шел, как будто снега было мало.
И не было печали для двоих,
А снег ложился на руки устало.

Я помню, снег был на руках твоих,
Он легче был почтового конверта.
Была ты Грета? Гретхен? или Герда?
А снег, он был таинственен и тих.

И плоть твоя была тебе тесна.
Твоей Душе, что любовалась светом.
Была ли ты извлечена из сна?
Но тело твое тоже пахло снегом.

Светлана Владимировна

Небеса номер один, небеса номер два.
Слова не могут вместить всего.
Феникс восстает из огня. Его
Огонь возрождает, и он поднимается выше.
Даже там где, было нечем дышать, – он дышал.
Ты видишь? Звезды пылают, а ему легко.
Чтобы попасть наверх – нужно было пройти огонь.
Пламя оранжево-красное, и только тогда...
А слезы принадлежат земле – ибо они вода.

Есть музыка зимы, ночной парад миров.
Совсем иная жизнь другого измеренья.
Магические сны небесных городов.
Как музыка они в минуты откровенья.
Где страх давно сожжен, где свет в твоих руках.
Есть множество миров, что отданы сиянию.
Где все вокруг – любовь, во всех ее цветах,
И полное, как свет отсутствие страдания...

Намалык Кашима

В холодном ноябрьском небе,
За гранями зла и добра,
Рассыпались солью на хлебе,
Все звезды, мой друг, до утра.
И музыка где-то играет,
И грезится в небе луна.
И ночь эта, словно святая, –
Молитвы возносит она.

Когда ангелы плачут – на земле идет дождь.
За шумом дождя не слышно машин.
Радость, печаль, снова радость, дрожь:
все формы дождя составляют один.

Плывут облака над землею гурьбой,
была гроза и прошла гроза.
Незримый мир – он всегда с тобой:
закрой глаза и открой глаза.

Строки и мысли

Благодарю Тебя за то, что я могу благодарить.
Благодарю Тебя за то, что можешь ты меня простить.
Благодарю Тебя за то, что есть на белом свете свет.
Благодарю Тебя за то, что все цвета включает свет.
Благодарю за воробьев, за голубей, за птиц простых.
Благодарю за птиц других, за высших птиц, за золотых.

Благодарю Тебя за то, что высший мир – не некий сон.
Благодарю Тебя за то, что я еще держу фасон.
Благодарю Тебя за стих, а в нем не выразить всего.
Благодарю Тебя за то, что я пишу

Тебе

его.

Любовь до первой мировой и до второй,
Была другой, совсем другой, такой живой.
Тебя представить, будто ты тогда идешь.
В забавной шляпке и в пальто, под снег и дождь.
Скажи, мы встретимся с тобой, скажи когда?
Я слишком долго ждал тебя и ждал суда.
Того, что выше всех людей, и дел земных.
Какое у тебя лицо? Твой голос тих.
Мне остается только ждать и только ждать.
Тебя искать. Тебя встречать .

Не умирать.

Намалык Кашима

Внутри дождя таится дух воды.
И с первым знаком солнца свет являет.
Он помнит тьму и райские сады,
И все вокруг привычно отражает.

Движенья тел и взгляд – глаза в глаза.
И в этом мире ниже или выше...
Внутри слезы – еще одна слеза.
Он говорит, но ты его не слышишь.

Там, где птица поет неведьмица в полуденный жар,
Там где, гении места приходят домой со свиданий,
Там, где видимый мир принимает невидимый дар
Мир невидимый тайных надежд и желаний...
Мир не может вместить в себя то, что не может вместить.
И мечтает о высшем, и плачет во сне наяву,
Ибо выше себя не умеет так сильно любить.
И июльское солнце заходит за реку Неву.

МОРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

И в музыке струнной, и в музыке духа
присутствует воздух стихии морской.
Столь тонко звучащий для нашего слуха,
что спутаешь вряд ли с привычной земной.

Играют на трубах зеленых и белых
все те, кого даже назвать не могу.
Пронизано музыкой каждое тело,
и слышен шум моря на том берегу.

На том берегу за последней завесой
нас любят и шутят над нашей судьбой.
И крыльями машут, и делают ставки,
и дарят нам слезы с морскою водой.

Иллюзия это? Иль истинно это?
Что скажешь на это ты – «нет»? Или «да»?
Сияет на солнце в ладони монета,
И в небе летает морская звезда.

Намалык Кашима

Незримый мир существует в мире,
и в мире с самим собой.
Ангелы и те, кто над ними,
и те кто над теми, кто над ними
парят в цветных одеждах:
красных, желтых, зеленых,
во всех цветах и за пределами спектра цветов.
Излучая любовь и блаженство.
В храмах, домах, на железных дорогах,
повсюду, повсюду – великие древние духи,
во плоти и в тонких телах.

Они не отрекаются от мира и от самих себя,
потому что излучают любовь.
Они не выносят вердикта,
потому что излучают любовь.
Они знают о том, что нет Единого пути для всех
и для каждого,
Ибо излучают любовь.

И при свете рекламных щитов,
и при свете свечи
Они излучают любовь.
Любовь раскрывает саму себя,
Извлекает из своего сердца
и зажигает огни.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к серии	3
Предисловие к тому	5
Первый сезон	7
Стелла Синякова. Неповзрослевшая	9
Наталья Кашина. Строки и мысли	49
Елена Хоролец. Прорубь для Люцифера	53
Ирина Галий. Воздухоплавательное	61
Евгения <i>tobico</i> Ким. Оранжевые мысли	91
Апрель Алхимов. Музыка образов	115
Екатерина Каверина. Без всяких скобок	123
Дмитрий Фролов-Буканов. Человек в хаки	133
Эрика Эвер. Байки П. Ушкина	139
Ольга Капелько. Свет невечерний	155
Инна Корешева. За все благодарю	161
Михаил Дзюбенко. Цикл Карно	165
Татьяна Помысова. На озарении	175

Второй сезон	193
Иван Никитин. Студенческая мантра	195
Александра Зволинская. Письма из жизни	201
Дали Атабани. Черничные дали	221
Павел Волков. Жизни теоремы	229
Алёна Кулажина. Берегите школьные дни	235
Дмитрий Мананников. Бреданалитика	241
Надежда Остапенко. Джульетта без Ромео	263
Дмитрий Игнаткин. Дашин Остров	281
Анна Кругликова. Вздох	303
Антон Малинский. Далекие близкие	311
Валерия Елканова. Счастье рядом	317
Александр Сибирёв. Дебют	329
Александр Зельцер. Всадник из льда	335
Татьяна Правдивцева. Стихи разных лет	339
Андрей Лебедев. Мир без масок	349

Два сезона

<i>Руководитель проекта</i>	<i>Т. Помысова</i>
<i>Дизайн оформления серии</i>	<i>А. Краснопёров</i>
<i>Оригинал-макет</i>	<i>П. Домбровский</i>
<i>Корректор</i>	<i>И. Бойнова</i>
<i>Иллюстратор</i>	<i>Д. Фролов-Буканов</i>
<i>Главный редактор издательства</i>	<i>И. Знаешев</i>

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение
e-mail: skifiabook@mail.ru

www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru

www.piterbooks.ru

Подписано в печать 18.10.2010.
Формат 70*108/16. Объём 32,5 усл. печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №3306

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Скифия».
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37